

Безопасность переоценена.
«Рядом. Не вместо. Рядом»

Василий Румянцев

Василий Румянцев

Безопасность переоценена.

«Рядом. Не вместо. Рядом»

<https://litres.ru/74494612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арвид Берзиныш построил бизнес на дронах, а потом нашёл решение, которое должно было спасти мир от одиночества и боли. Женщины-роботы с искусственным интеллектом — идеальные жёны, матери, спутницы. Общество приняло их с восторгом. Мужчины — с облегчением. Женщины — с надеждой. Прошло двадцать лет. Арвид очнулся в больнице будущего с чужой памятью в голове. Рядом — девушка Лина, которая день за днём слушает его воспоминания. Она знает, что было дальше. И однажды расскажет ему правду.

Василий Румянцев

Безопасность переоценена.

«Рядом. Не вместо. Рядом»

Безопасность переоценена.

«Рядом. Не вместо. Рядом»

Глава 1. Пробуждение

Белый потолок. Это первое, что он увидел.

Потом — тишина. Не обычная, домашняя, когда за окном ветер или холодильник гудит на кухне. Другая — глубокая, как вата, в которую завёрнут весь мир. И сквозь эту вату пробивался только один звук: лёгкий, мерный гул. Где-то за стеной работало оборудование.

Он попытался повернуть голову. Получилось не сразу — шея не слушалась, мышцы были как чужие. Он скосил глаза вправо: белая стена, белая тумба, прозрачная трубка, уходящая куда-то вверх. Влево: такая же стена, экран с бегущими цифрами, кресло. В кресле сидела девушка.

Она не смотрела на него. Её взгляд был направлен в планшет на коленях, пальцы легко касались экрана. Светлые волосы собраны в простой хвост. Одежда — что-то мягкое, светлое, без острых углов. Она выглядела так, будто сидела здесь давно. Очень давно. И не скучала.

Он открыл рот. Губы слиплись. Язык был сухим и чужим. Он попытался что-то сказать, но получился только хрип.

Девушка подняла голову.

— О, вы проснулись.

Голос у неё был спокойный, ровный, с какой-то особенной интонацией — не врачебной, не казённой. Скорее, как у человека, который ждал и наконец дождался.

Она отложила планшет и встала. Подошла к нему — не быстро, не медленно. Движения были плавные, точные, без лишней суеты. Она поправила трубку, идущую от его руки, бросила взгляд на экран с цифрами и только потом посмотрела ему в глаза.

— Меня зовут Лина. Я ваш куратор. Вы в реабилитационном центре. Всё хорошо.

— Где... — голос сорвался. Он прокашлялся. — Где я?

— В безопасности. Это главное. Остальное я объясню, но сначала — как вы себя чувствуете? Голова кружится?

Он прислушался к себе. Голова не кружилась. Она была пустой. Не в смысле лёгкости — в смысле отсутствия. Как будто кто-то взял и вынул из неё всё содержимое, оставив только белый шум.

— Пусто, — сказал он. — В голове пусто.

Лина кивнула.

— Это нормально. Так бывает после процедуры.

— Какой процедуры?

Она взяла стул — тот самый, на котором сидела, — и при-

двинула к кровати. Села. Положила руки на колени. Посмотрела на него внимательно, но без напряжения, как смотрят на человека, с которым предстоит долгий разговор.

— У вас была травма, — сказала она. — Тяжёлая. Несчастный случай. Ваш мозг начал отмирать. Это необратимый процесс, если его не остановить. Обычно в таких случаях пациент либо умирает, либо остаётся в вегетативном состоянии навсегда. Но вам повезло. Вас успели спасти.

— Как?

— Вам имплантировали память другого человека.

Он моргнул.

— Чужую память?

— Да. Это стандартная процедура. Когда собственные нейронные связи разрушены, мы используем донорский материал. Здоровые связи. Они приживаются и стимулируют восстановление собственных. Через некоторое время ваша настоящая память начнёт возвращаться. А пока — вы будете помнить чужую жизнь.

Он лежал и смотрел в потолок. Чужая жизнь. Чужие воспоминания. Кто-то другой жил, дышал, любил, боялся, радовался — и всё это теперь внутри него. Как книга, которую он не выбирал. Как фильм, который включили без спроса.

— Это навсегда? — спросил он.

— Нет. Ваши собственные воспоминания вернутся. Чужие... они либо сотрутся, либо останутся как сон. Со временем вы перестанете отличать, где ваше, а где не ваше. Но по-

ка этого не произошло, я здесь, чтобы помочь вам.

— Помочь в чём?

— Рассказывать. — Лина чуть наклонила голову. — Я буду спрашивать, что вы помните. А вы будете говорить. Это часть терапии. Когда вы проговариваете воспоминания, мозг быстрее сортирует их. Свои остаются, чужие — уходят. Это как фильтр. Понимаете?

Он кивнул. Не потому, что понял, а потому что сил на споры не было. Да и спорить, в общем-то, было не с чем. Он был здесь. Она была рядом. Оборудование гудело. Цифры на экране бежали. Всё остальное пока не имело значения.

— Попробуем? — спросила она.

— Сейчас?

— Сейчас. Закройте глаза. Что вы видите?

Он закрыл глаза. Сначала — ничего. Только темнота и остаточные пятна света под веками. Потом — что-то начало проступать. Смутно, как сквозь мутное стекло.

— Офис, — сказал он. — Я вижу офис.

— Какой?

— Большой. Окна во всю стену. Стол. На столе — бумаги, ноутбук, чашка кофе. Кофе остыл. Я не допил.

— Вы один?

— Нет. Напротив меня сидят люди. Двое. Мужчина и женщина. Они в костюмах. У них документы. Мы о чём-то спорим. Я не слышу слов, но я... чувствую. Это важно. Это большой контракт. Очень большой.

— Кто эти люди?

— Партнёры. Инвесторы. Не знаю. Я не помню имён. Но я знаю, что они мне не нравятся. Я им не доверяю. Но я должен. Должен договориться. Это... это моё дело. Я бизнесмен.

— Бизнесмен, — повторила Лина. В её голосе не было удивления. Только лёгкий оттенок интереса. — Чем вы занимались?

— Дроны. Мы производили дроны. Нет, не военные. Гражданские. Доставка, съёмка, сельское хозяйство. Мой завод. Моя компания. Я построил её сам.

— С нуля?

— С нуля. — Он почувствовал, как в груди шевельнулось что-то похожее на гордость. Чужое или своё? Он не знал. Но оно было тёплым. — Первый контракт — три дрона для фермеров. Потом десять. Потом сто. Мы росли быстро. Очень быстро.

Лина слушала. Он слышал, как она чуть подвинулась на стуле, как тихо вздохнула — не от скуки, а от внимания. Ей было интересно. Или она делала вид, что интересно. В любом случае, это помогало. Он продолжал говорить.

— Потом мы вышли на международный рынок. Я летал в Японию. Там я увидел... — Он запнулся. Образ мелькнул и исчез. Что-то важное. Что-то, что изменило всё.

— Что вы увидели? — мягко спросила Лина.

— Не помню. Пока не помню. Но это важно. Очень важно.

— Ничего страшного. Вспомните позже.

Она встала. Подошла к прибору у стены, проверила показатели, что-то записала в планшет. Он смотрел на неё — на её плавные движения, на то, как она поправляет волосы, не глядя в зеркало, на то, как она на секунду замирает, читая цифры, и чуть хмурит брови. В ней было что-то... правильное. Не идеальное — именно правильное. Как будто она была на своём месте. Как будто она знала, что делать.

— Лина, — позвал он.

— Да?

— А кто был тот человек? Чью память мне... имплантировали?

Она обернулась. Посмотрела на него — и на секунду ему показалось, что в её глазах мелькнуло что-то. Тень. Отсвет. Он не успел понять, что именно.

— Мы не знаем точно, — сказала она. — Донорский материал анонимен. Мы знаем только, что это был мужчина. Успешный. Он жил в двадцать первом веке. Занимался технологиями. Много путешествовал. Прожил долгую жизнь.

— Он умер?

— Давно.

— И теперь его жизнь — во мне.

— Часть его жизни. Да.

Он закрыл глаза. Чужая жизнь. Чужой офис. Чужие переговоры. И где-то там, в глубине, что-то очень важное, что пока не давалось в руки. Как слово на кончике языка. Как сон, который тает при пробуждении.

— Отдыхайте, — сказала Лина. — Завтра продолжим.

— Вы будете здесь? Завтра?

— Я всегда здесь.

Он хотел спросить, что значит «всегда», но усталость накрыла его, как одеялом. Белый потолок поплыл. Гул оборудования стал тише, дальше, словно его задвигали за стекло. Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться в сон — Лина, стоящая у окна. Её силуэт на фоне бледного света. И что-то в её позе, в её неподвижности, было такое, от чего ему вдруг стало не по себе.

Но он не успел понять, что именно. Сон забрал его. Белый, глубокий, без сновидений. Только где-то на самом дне — смутный образ: офис, переговоры, чашка остывшего кофе. И чей-то голос: «Ты не понимаешь. Это изменит всё».

Глава 2. Дело

— Что вы помните о своей компании?

Лина сидела на том же стуле, у окна. За стеклом было светло — не ярко, а ровно, как бывает в пасмурный день. Арвид не знал, который час. Не знал, какое за окном время года. В этой комнате время вообще шло иначе — его отмеряли не солнце и не часы, а процедуры, разговоры и редкие визиты врачей.

— Компания называлась «Скайлинк», — сказал он. — Нет. Не так. «Скайлинк Систем». Мы делали дроны. Граж-

данские. Не оружие. Хотя в какой-то момент нам предлагали перейти на военные контракты. Я отказался.

— Почему?

— Не хотел, чтобы мои машины убивали. Это первое. А второе — военные контракты означают зависимость от государства. А я не хотел зависеть. Я хотел строить своё. Сам.

Лина чуть наклонила голову:

— Звучит так, будто независимость была для вас важнее денег.

— Деньги — это и есть независимость. Просто не всегда. Иногда деньги — это кандалы, просто золотые. Я видел людей, у которых было всё, и они не могли уйти из бизнеса, потому что бизнес держал их крепче, чем они его.

— А вас?

— Я мог уйти. Я всегда это знал. Поэтому и не боялся.

Он говорил, и слова приходили сами. Они были не его — он это понимал. Они принадлежали тому человеку, чья жизнь теперь текла по его нейронам. Но произносить их было легко, как будто он повторял заученный текст. Или как будто текст сам знал, как ему звучать.

— Мы начинали с трёх дронов, — продолжил он. — Один я собрал сам, в гараже. Не спрашивайте, как. Это было давно, и я был моложе. Я тогда вообще думал, что всё можно сделать руками, если долго не спать и верить в результат.

— А потом?

— Потом пришли первые заказы. Фермеры хотели сле-

дить за полями. Агентства недвижимости — снимать дома с воздуха. Кто-то — просто ради развлечения. Мы делали качественно. Не дёшево, но качественно. И это сработало.

Он помнил цех. Большое помещение, пахнущее пластиком и озоном. Люди в серых халатах. Гул тестовых стендов. Он обходил цех каждый день, не потому что не доверял сотрудникам, а потому что любил смотреть, как из отдельных деталей рождается машина. Было в этом что-то честное.

— Вы сами управляли всем? — спросила Лина.

— Я был генеральным директором. Но это только звучит красиво. На деле — каждый день десятки решений. Контракты, риски, конкуренция. Думаете, дроны — это просто? Там есть свои войны. Патенты, шпионаж, переманивание инженеров. Один раз наш главный конструктор ушёл к конкурентам. Увёл команду. Я думал, всё. Конец. Потом они вернулись. Не все, но ключевые — вернулись. Я не спрашивал почему. Просто открыл дверь и сказал: работайте. Потом оказалось, что конкуренты платили больше, но работали как в тюрьме. А я — как в семье. Ну, почти.

Лина слушала. Иногда она делала пометки в планшете, иногда просто смотрела на него. В её взгляде было внимание, но не праздное — профессиональное. Как у врача, который слушает не только слова, но и то, как они звучат.

— Вы были счастливы? — спросила она.

Он замолчал. Счастлив? Вопрос был простой, но ответ не давался. Он вспомнил офис. Вспомнил переговоры, которые

шли до ночи. Вспомнил, как однажды подписал контракт, который вывел компанию на новый уровень, и как сидел потом один в пустом кабинете, глядя на город за окном. В груди было что-то... не радость. Скорее, усталое удовлетворение. Как после долгого бега, когда добежал до финиша и не можешь дышать, но ноги ещё держат.

— Я был занят, — сказал он наконец. — Это другое. Счастье — это когда ты никуда не бежишь. А я всё время бежал. Даже когда стоял на месте, внутри всё равно бежал.

— От чего?

— Не от чего. К чему-то. К следующему контракту. К следующей версии продукта. К следующей сделке. У меня был список целей. Я жил от галочки до галочки. Знаете, как в детстве — каникулы ждёшь сильнее, чем сам отдых? Вот так и я. Только каникулы у меня никогда не наступали.

Лина улыбнулась. Арвид впервые увидел её улыбку — лёгкую, быструю, как солнечный зайчик. Она не была искусственной. Она была... тёплой.

— Звучит грустно, — сказала она.

— Звучит честно, — ответил он.

В палату вошёл врач. Пожилой, с усталыми глазами и аккуратной бородой. За ним — медсестра с подносом. Арвид не запомнил их имён. Они менялись каждый день, а он всё ещё не научился различать лица.

— Процедуры, — объявил врач. — Господин Берзиныш, будем вводить препарат. Ничего страшного. Просто лежи-

те спокойно.

Арвид кивнул. Лина встала, уступая место. Врач что-то нажал на панели, медсестра поправила катетер. Жидкость в прозрачном мешке над кроватью сменила цвет — с бесцветной на бледно-голубую. Арвид почувствовал, как по венам растекается прохлада. Не больно. Даже приятно.

— Через час начнётся лёгкая сонливость, — сказал врач.
— Это нормально. Спите, если захотите. Лина, вы останетесь?

— Конечно.

Врач кивнул и вышел. Медсестра задержалась на секунду, поправила одеяло, бросила взгляд на Арвида — какой-то странный, будто она хотела что-то сказать, но передумала. Потом тоже ушла.

— Поесть не хотите? — спросила Лина.

— Не знаю. Наверное, надо.

Она подошла к столу, на котором стоял поднос с едой. Что-то белое, похожее на пюре. Что-то прозрачное, похожее на бульон. Хлеб? Нет, крекеры, бледные, как всё в этой палате.

— Давайте я помогу, — сказала Лина.

Она приподняла спинку кровати, поправила подушку. Потом взяла ложку. Арвид хотел сказать, что может есть сам, но рука, лежащая поверх одеяла, не слушалась. Пальцы были чужие — как будто принадлежали другому человеку. Он и был другим человеком. Наполовину.

Лина поднесла ложку к его губам. Пюре было тёплым, почти безвкусным. Он проглотил. Она зачерпнула ещё. Её движения были точными, бережными. Она не пролила ни капли.

— Вы давно работаете здесь? — спросил он.

— Достаточно.

— Вам нравится?

Лина чуть помедлила. Ложка замерла над тарелкой.

— У меня хорошая работа, — сказала она. — Я помогаю людям. Это... осмысленно.

— Редкое качество. Осмысленность.

— Да. Редкое.

Она снова поднесла ложку. Арвид ел и смотрел на неё. В профиль она была похожа на кого-то... он не мог вспомнить, на кого. Может быть, на актрису из старого фильма? Или на картину? Он не помнил. Он вообще многое не помнил.

— После еды я, наверное, посплю, — сказал он.

— Да, препарат скоро подействует. Спите. Я буду рядом.

— Вы всегда рядом, — заметил он.

Лина не ответила. Она убрала поднос, поправила одеяло, отошла к своему стулу у окна. Села. Взяла планшет. Снова стала той самой девушкой, которая ждала его пробуждения. Тихая, ровная, как свет за окном.

Арвид закрыл глаза. Голубой холод в венах становился теплее. Он плыл. Где-то на грани сна всплыло слово. «Скай-линк». Логотип — стилизованная буква «S», похожая на птицу в полёте. Он видел этот логотип тысячи раз. На бортах

дронов. На документах. На визитках. А теперь он не был уверен, что эта компания вообще существовала. Может, это всё — чужая выдумка. Чужой сон. Чужая жизнь, которая скоро растворится, как лекарство в крови.

Последнее, что он услышал, был голос Лины. Она что-то тихо говорила. Ему показалось — не ему. Может быть, в планшет. Может быть, себе. Он не разобрал слов. Но тон был такой, каким говорят о чём-то важном. О чём-то, что нельзя забыть.

А потом пришёл сон. Белый, глубокий, как первый. И где-то внутри этого белого — цех, пахнувший озоном. Гул моторов. И голос, который повторял: «Ты не понимаешь. Это изменит всё».

Глава 3. Чужие браки

— Расскажите о людях, которые вас окружали, — попросила Лина.

— О людях?

— О друзьях. О партнёрах. О тех, кто был рядом, когда вы строили бизнес.

Арвид задумался. Он лежал на спине, глядя в потолок. Белый, ровный, без единой трещины. Идеальный потолок. В его прошлой жизни — или в той, чужой, которая теперь заменяла ему прошлую, — он редко смотрел в потолок. Он смотрел в экран ноутбука, в документы, в лица людей на пе-

реговорах. А если и в потолок — то ночью, в номере отеля, когда сон не шёл.

— У меня был друг, — сказал он. — Точнее, не друг. Партнёр. Мы вместе начинали. Его звали... — он запнулся. Имя не всплывало. — Не помню имени. Но помню его лицо. Он был старше меня лет на десять. Рассудительный. У него была жена и двое детей. Хорошая семья. Так все думали.

— А что на самом деле?

— На самом деле он приходил ко мне в кабинет и говорил: «Я не знаю, зачем я женился». Просто так, без злости. Устал. Он любил детей — это было видно. А жену... не знаю. Может, и любил. Но не понимал. И она его не понимала. Они жили как два пассажира в одном купе: едут в одну сторону, но каждый смотрит в своё окно.

Лина слушала. Её лицо было спокойным, но в глазах — тот самый профессиональный интерес, от которого Арвиду становилось легче. Не осуждает. Не торопит. Просто слушает.

— Он говорил, что устал от претензий, — продолжил Арвид. — Она считала, что он слишком много работает. Он считал, что она не ценит того, что он делает. Он зарабатывал, она воспитывала. Но ни тот, ни другой не чувствовали, что их вклад замечают. Они не кричали. Просто тихо отдалялись. Понимаете? Это страшнее криков. Крики — это ещё контакт. А тишина — это уже конец.

— Вы это наблюдали со стороны?

— Да. Я был тем самым другом, которому звонят поздно вечером. «Можно я приеду?» И я говорил: «Приезжай». И он приезжал. И мы сидели на кухне, и он молчал. Иногда — плакал. Взрослый мужчина. Успешный. А плакал, как ребёнок, которому не объяснили, почему мир так устроен.

Он замолчал. В горле пересохло. Лина протянула ему стакан с водой — поднесла к губам, придерживала трубочку. Арвид сделал глоток. Вода была тёплой, безвкусной, но стало легче.

— А женщины? — спросила Лина. — Вы говорили с женщинами об их браках?

— Говорил. Однажды одна сотрудница — её звали... не помню. Она работала в отделе продаж. Умная, жёсткая, всегда с идеальной укладкой. Она узнала, что у меня нет жены, и спросила: «Почему вы не женитесь?» Я сказал: «Не хочу повторить чужие ошибки». Она рассмеялась. А потом сказала: «Ошибка не в браке. Ошибка в том, что люди вступают в брак, не зная, зачем им это. Они думают, что любовь — это когда бабочки в животе. А любовь — это когда ты готов терпеть. Но терпеть не значит — молчать. Терпеть — значит — слышать. А мы не умеем слышать. Ни мы, ни они».

Арвид помолчал.

— Она изменяла мужу. Я узнал случайно. Не то чтобы она скрывала. Просто однажды я задержался на работе и увидел, как она плачет в переговорной. Я спросил: «Что случилось?» Она сказала: «Я сплю с другим, потому что с мужем я уже

не чувствую себя живой. Он меня не видит. А тот — видит. Хотя бы на час. Хотя бы на вечер». Я не знал, что ответить. Я просто сел рядом, и мы молчали.

— Она потом ушла от мужа?

— Нет. Она осталась. Сказала: «Уходить некуда. Мы не враги. Мы просто чужие, у которых общий дом и общий ребёнок». По-моему, это и есть самая большая трагедия: не ненависть, а вот это. Чужие под одной крышей.

Лина ничего не сказала. Она смотрела в планшет, но Арвид видел: она не пишет. Просто держит его в руках, как держат чашку, когда не хотят, чтобы руки дрожали.

— Я был на свадьбе друга, — сказал он после паузы. — Молодой, красивый, перспективный. Невеста — чудесная. Все говорили, что они идеальная пара. А я видел, как она плакала в туалете. Я вышел случайно, шёл мимо и услышал. Она разговаривала с подругой по телефону. Говорила: «Я не знаю, люблю ли я его. Но родители говорят, что надо. Возраст, мол. Часики тикают». Я стоял и не мог пошевелиться. Мне казалось, я подслушиваю чьё-то убийство. Только медленное. Растянутое на годы.

— Они развелись?

— Да. Через четыре года. Делили не имущество — детей. Это было страшно. Он хотел забрать сына. Она хотела. Суды, экспертизы, свидетели. Ребёнка таскали по инстанциям, как вещь. Не знаю, чем кончилось. Я вышел из его жизни раньше. Не потому, что не хотел помогать. Просто не мог

смотреть.

Он повернул голову к окну. Свет снаружи не изменился — всё тот же ровный, сероватый. Время в этой палате стояло, как вода в пруду. Только капельница мерно отмеряла минуты.

— Вы когда-нибудь были женаты? — спросила Лина.

Вопрос прозвучал мягко, почти неслышно. Но он ударил точнее, чем Арвид ожидал.

— Нет, — ответил он. — Я смотрел на них и не хотел. Все эти браки... они были как зеркала. Я смотрел в них и думал: зачем? Зачем проходить через это? Люди вступают в брак, чтобы быть вместе. А потом выясняется, что они никогда не были вместе. Они просто жили рядом.

— Но ведь бывают счастливые браки, — заметила Лина. — Вы не встречали?

— Может, и бывают. Я не встречал. Или встречал, но не замечал. Счастливые — они же не кричат о своём счастье. Они просто живут. А я смотрел на тех, кто страдал. Их было больше. Во всяком случае, вокруг меня.

Он закрыл глаза. Перед внутренним взором поплыли лица. Он не помнил имён, но помнил выражения. Усталость в уголках глаз. Плотно сжатые губы. Руки, которые тянутся друг к другу и не дотягиваются. Мужчины, которые искали понимания. Женщины, которые искали свободы. И все — одинокие, даже когда их двое.

— А вы сами? — спросил он вдруг. — Вы замужем, Лина?

Она подняла на него глаза. Спокойные, серые, с лёгким блеском, как у воды под пасмурным небом.

— Нет, — сказала она. — Я не замужем.

— Почему? Такая девушка, как вы...

Она чуть улыбнулась:

— Может быть, я смотрю на тех, кто рядом, и тоже не хочу повторить чужие ошибки.

Арвид не нашёл, что ответить. Он лежал и смотрел на неё, и в голове крутилась одна мысль: до чего же странный этот мир. Вот он — человек, которому пересадили чужую жизнь. Вот она — девушка, которая слушает его, как никто никогда не слушал. И между ними разговор, который не мог бы состояться ни в одном из его прежних миров.

— Я, наверное, устал, — сказал он.

— Спите, — ответила Лина. — Я разбужу, когда будет нужно.

Он закрыл глаза. И впервые за долгое время уснул без снов. Просто белый шум. Просто тишина. Просто ощущение, что кто-то сидит рядом и не уходит.

Глава 4. Измены

Он проснулся с ощущением, что кто-то звал его по имени. Но в палате было тихо. Только гул приборов и ровное дыхание Лины, которая сидела на своём стуле у окна и что-то читала в планшете. Она не заметила, что он открыл глаза.

— Лина, — позвал он.

Она подняла голову сразу, без задержки, как будто ждала, что он вот-вот проснётся.

— Доброе утро. Или день. Здесь трудно понять.

— День, — сказала она. — Второй час пополудни. Вы проспали девять часов.

— Мне снилось что-то. Не помню что. Но ощущение осталось — будто я был не один.

Лина отложила планшет и пересела ближе. Этот жест уже стал привычным: она не начинала разговор, пока не оказывалась рядом. Ей было важно не расстояние, а присутствие.

— О чём вы хотите говорить сегодня? — спросила она.

Арвид помедлил. Он лежал и смотрел в потолок, но видел не его. Перед глазами всплывала вчерашняя беседа — о браках, о чужих людях под одной крышей, о тишине, которая хуже криков. И что-то ещё, что осталось за кадром. То, о чём он не договорил.

— Об изменах, — сказал он. — Я вчера вспоминал браки. Но у браков есть изнанка. Её было больше, чем мне хотелось бы.

— Расскажите?

— Расскажу. Раз уж начал.

Он перевёл дух. В горле снова пересохло. Лина поднесла стакан, и он сделал несколько глотков. Вода была чуть прохладнее, чем вчера. Или ему показалось.

— У меня был партнёр, — начал он. — Тот самый, кото-

рый плакал у меня на кухне. У него была жена, дети, дом, всё как полагается. Он строил это лет пятнадцать. Считал, что делает правильно. А потом узнал, что у неё кто-то есть.

— Как он это узнал?

— Случайно. Увидел переписку. Не специально — она за была телефон на столе, экран загорелся. Он не искал. Но увидел. И мир рухнул. Он приехал ко мне в офис, сел в кресло и заплакал. Я никогда не видел, чтобы взрослый мужчина плакал так. Не от обиды — от непонимания. Он всё повторял: «Я всё ей дал. Я всё для них делал. Я пахал как проклятый. А она...»

Арвид замолчал. Перед глазами стояла та сцена: кабинет, вечер, за окном дождь. Партнёр сидит, сгорбившись, и слёзы каплют на дорогой костюм. А он, Арвид, не знает, что сказать. Потому что любые слова — пустые.

— И что вы ему сказали? — спросила Лина.

— Ничего. Я просто сидел рядом. Потом спросил: «Ты её любишь?» Он ответил: «Я не знаю. Я знаю только, что не хочу её терять». Вот, понимаете? Не «люблю», а «не хочу терять». Как вещь. Как дом. Как жизнь, которую строил пятнадцать лет. Мне кажется, измена была не причиной. Она была симптомом. Они давно потеряли друг друга, просто не хотели этого замечать.

— А женщина? Вы говорили с ней?

— Нет. Она звонила один раз. Просила повлиять. Я сказал: «Я не судья». Она ответила: «Я знаю. Просто ему нужно

с кем-то говорить». Я не стал. Я не мог. Я не знал всей правды, а судить по одной стороне — последнее дело.

Лина кивнула. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах появилось что-то похожее на грусть. Не жалость — именно грусть, как у человека, который слышал такие истории много раз, но так и не привык.

— Вы говорили о женщинах, которые изменяют от жажды свободы, — напомнила она. — Это была не единственная история?

— Не единственная. У меня была сотрудница. Я вчера о ней вспоминал. Она изменяла мужу. Говорила, что с любовником чувствует себя живой. Я спросил: «А с мужем?» Она ответила: «С мужем я чувствую себя функцией. Полезной, но функцией. Он меня не видит. Он видит жену, мать, хозяйку. А меня — нет». Она не оправдывалась. Она просто констатировала. И в этом было самое страшное.

— Что вы ей сказали?

— Я сказал: «Ты имеешь право на счастье». Она рассмеялась. Горько так. «Счастье — это не про меня. Счастье — это про тех, кто умеет врать. А я уже не умею. Поэтому я просто живу».

Он помолчал.

— Понимаете, Лина, я видел это с обеих сторон. Мужчины изменяли от отчаяния. Их не понимали дома, и они искали понимания на стороне. Женщины изменяли от несвободы. Их душили стены, и они искали воздух в чужих руках.

И те и другие были по-своему правы. И те и другие были по-своему виноваты. Но я не судил. Я просто смотрел. И думал.

— О чём?

— О том, что есть какой-то другой способ. Не этот. Не эти мучения, не эти качели: любовь — нелюбовь, верность — измена, своё — чужое. Должен быть другой способ. Чтобы никто не мучился.

Лина наклонилась чуть вперёд:

— И вы его нашли?

Арвид не ответил сразу. В голове что-то мелькнуло — снова тот же образ, что и в первый день. Япония. Комната. Женщина, которая входит и смотрит ему в глаза. Чувство, что мир сейчас изменится. Но образ был ещё слишком зыбким, как отражение в тёмной воде.

— Не знаю, — сказал он. — Пока не помню. Но чувствую, что где-то там, в этих воспоминаниях, есть ответ. Или его иллюзия. Может, я просто слишком сильно хотел его найти.

— А сейчас? — тихо спросила Лина. — Вы всё ещё хотите?

Он повернул голову и посмотрел на неё. Она сидела совсем близко. Свет из окна падал на её волосы, на мягкую линию плеча, на руки, спокойно лежащие на коленях. В ней не было ни суеты, ни фальши. Она была... настоящей. И это слово вдруг показалось ему самым важным из всех.

— Сейчас я хочу понять, что произошло, — сказал он. — Почему я здесь. Почему вы со мной. И почему мне кажется,

что всё это не случайно.

Лина выдержала его взгляд. Потом отвела глаза и взяла планшет.

— Продолжим завтра, — сказала она. — Вы устали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.